

ХОЛОДНО – О ГОРЯЧЕМ

ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОЭКОНОМИКИ

НАТАЛИЯ КОНИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Современный политико-экономический ландшафт характеризуется изменением соотношения сил между центрами влияния, появлением и активизацией новых типов взаимодействия, возрастанием роли внешних факторов. Примерно в течение двадцати лет после окончания «холодной войны» в мировой системе доминировали США, имевшие технологическое, экономическое, финансовое, военное и политическое превосходство. Глобальный кризис 2008–2009 гг. ускорил формирование ситуации, характеризующейся новым балансом различных сил, складывающимся под влиянием взаимодействия и противостояния США и Китая, а также роста влияния других игроков. Политико-экономическая карта мира также претерпевает зримые деформации как результат складывания трансрегиональных метагруппировок и интеграционных процессов. Возрастание политико-экономического влияния Китая станет очевидным вследствие реализации инициативы «Пояс и путь». В условиях глобализации и технологической революции возрастает значение крупнейших международных компаний как субъектов глобальных экономических и политических отношений. Политико-экономические интересы России и оказываемое на неё санкционное давление требуют изменения текущей экономической политики и выработки новой стратегии стабильного роста как на уровне государства, так и на уровне крупнейших отечественных компаний.

Ключевые слова:

международная политическая экономия; глобализация; США; Китай; Индия; Россия; БРИКС; инициатива Пояса и пути; метагруппировки; транснациональные корпорации; геоэкономическая стратегия.

Современный глобальный экономический порядок сложился как следствие распада Советского Союза и отцентрованной по нему мировой социалистической системы; развития глобализации и регионализации; последовательной реализации идей свободы торговли, беспрепятственного движения капитала и разгосударствления экономики. Либерализация хозяйственной деятельности во многих частях мира на фоне бурного технологического прогресса привела к значительному росту спонтанной взаимозависимости на микро- и макроуровне, усилению транснационального дви-

жения капитала и технологий, увеличению мировой торговли и формированию единого экономического пространства в энергетике, финансах и информационной сфере.

Позиции большинства национальных правительств ослаблены интернационализацией рынков и становлением различных транснациональных структур, важнейшими из которых становятся многонациональные компании и международные финансовые учреждения. На экономические позиции стран определяющее влияние оказали четыре основных аспекта глобализации: рост международной торговли; дви-

жение капитала и инвестиций; миграции и перемещения людей; а также распространение знаний [Baldwin, Martin 1999: 25].

Углубление взаимозависимости на глобальном уровне развивалось параллельно с усилением региональных интеграционных процессов [Байков, Ермолаев 2015: 114]. В этой связи государства вынуждены приспосабливаться к *modus operandi* наднациональных институтов и набирающим силу тенденциям к регионализму, к росту влияния мегаполисов, кластеров и отдельных провинций. Дерегулирование и либерализация приводят к тому, что значительный фрагмент национальных хозяйств оказался лицом к лицу с непосредственными эффектами сил глобальной, трансгосударственной и трансправительственной рыночной конкуренции. Одновременно повышается значение международного сотрудничества для целей экономического развития отдельных стран.

Вместе с тем ключевыми игроками в новой экономической реальности продолжают оставаться крупные государства. Как отмечают А.Д. Богатуров и А. В. Фененко, сила и «харизма» силы остались важнейшими элементами миросистемного регулирования на региональных и глобальном уровнях [Богатуров, Фененко 2011:127]. При этом для мировой экономики, как и для мировой политики, характерна асимметричная взаимозависимость стран между собой. Доминирование в ней достигается гегемонией над стратегическими рынками, ресурсами, транспортными коридорами и финансовой сферой. Более того, только возрастает роль властного (политического) контроля над инновациями, технологиями, предпринимательскими и инновационными навыками. Ключевыми инструментами воздействия на экономическое окружение со стороны крупных игроков выступают торговая, валютная, денежно-кредитная, инвестиционная, внешнеэкономическая, промышленная, энергетическая политика, экономические санкции и программы помощи развитию.

На протяжении двадцати лет после развала Советского Союза и социалистической системы в мировой экономике доминиро-

вали США, победившие в «холодной войне» и удерживавшие глобальное технологическое, экономическое, финансовое, военное и политическое превосходство. Последующая четверть века привела к перетоку на Запад более 2 трлн долларов, большого количества разработок и технологий, утечке сотен тысяч высококвалифицированных специалистов из бывших стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Последнее ослабило Россию и другие страны постсоветского пространства и одновременно сыграло на укрепление международных экономических позиций США и ЕС. Вместе с тем структурные процессы, параллельно происходившие в мире в 1990–2010-х годах под влиянием глобализации и информационной революции, привели к серьёзным пространственным изменениям в размещении производительных сил.

Настоящая статья ставит задачу рефлексии изменений в расстановке силы в международной экономической системе в 2010-х годах. Решая её, автор придерживался политэкономического подхода к осмыслению современных процессов. Подобный подход оправдан тем, что «экономический дискурс» всё отчетливее определяет повестку дня важнейших международных форумов, встреч и событий. Это происходит на фоне передачи странами части своих прав наднациональным институтам и ослабления прямых регулирующих и контролирующих функций государств-наций над экономикой. Последнее получило, например, оформление в закреплённых в Транстихоокеанском партнёрстве положений о судебных спорах между ТНК и национальными государствами.

1

После распада Советского Союза, окончания «холодной войны» и крушения жёсткой стабильной системы балансирования двух сверхдержав произошёл переход к другому политико-экономическому порядку – от двух противостоящих блоков к более текучей нестратифицированной и нестабильной сети игроков. Отношения между её компонентами эволюционируют

в направлении увеличения взаимозависимости и совместного использования ресурсов. Современная международная система характеризуется тем, что глобализация приобретает новые измерения, геополитические интересы ключевых центров силы различны, наблюдается кризис прежних подходов к глобальному управлению [Богатуров 2017: 52]. В основе нарастания политико-экономического противостояния лежат проблемы, связанные с формированием и перераспределением мирового дохода на фоне предстоящего кардинального обновления производительных сил, намечающегося в рамках нового этапа научно-технической революции и перехода к шестому технологическому укладу.

В частности, за последние три десятилетия радикально изменилось мировое промышленное производство. Значительная часть производственных мощностей вынесена из развитых стран, всё большее развитие получает перенос части операций сторонним исполнителям по принципу аутсорсинга, сформировались и успели видоизмениться глобальные цепочки создания стоимости, регулируемые крупнейшими транснациональными корпорациями [Кониная 2009: 359]. Начавшийся процесс реиндустриализации развитых стран, и прежде всего США, ведёт к возникновению новых кластеров и географических центров промышленного развития и изменениям в мировой логистике.

Создание крупнейшими ТНК глобальных цепочек создания стоимости и новых производств в странах с дешёвой рабочей силой привело к росту и перераспределению мирового дохода. Международная торговля товарами возросла с 13,8% мирового ВВП в 1986 г. до 26,6% в 2008-м. В пространственном измерении резко возросло значение торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Изменилась роль различных стран и экономических группировок. В частности, возросло значение таких стран, как Китай и Южная Корея.

Вклад различных государств в мировую экономику радикально изменился не только количественно, но и структурно. В ВВП развитых стран сфера услуг, образования, здравоохранения и финансовый сектор намного превосходят промышленное производство [Булатов 2010: 124]. Возрастание значения сегментов глобального рынка, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), привело к росту экономического значения американского штата Калифорния, прибрежных районов Китая, Южной Кореи, Тайваня, Индии и таких крупнейших мировых городов, как Нью-Йорк, Лондон, Париж, Франкфурт, Гонконг, Сингапур, Пекин и Шанхай.

Возрастающее влияние на мировую экономику оказывает динамика народонаселения. Серьёзно выросли объёмы и темпы миграции рабочей силы. Происходят значительные демографические изменения в ряде ведущих экономических центров, в частности в Европейском Союзе, Японии и России. В наиболее бурно развивающихся странах, прежде всего в Индии и Китае, уменьшается приток дешёвой трудоспособной рабочей силы. Структурные демографические изменения происходят на фоне непрекращающегося роста населения мира, которое в марте 2017 г. превысило 7,49 млрд человек и, по прогнозам, к 2050 г. составит от 8,8 до 10,5 млрд человек¹.

Важной особенностью современного политэкономического ландшафта выступает взаимодействие и противостояние США и Китая, национальные хозяйства которых в настоящий момент сильно переплетены и потому взаимозависимы [Spark 2013: 142]. При этом наблюдается не только конкуренция двух конкретных стран, но и противостояние Запада и Востока, борьба христианской протестантской цивилизации в её англосаксонской версии с цивилизацией конфуцианской, а также соперничество двух общественно-экономиче-

¹ Population Estimates and Projections, World Bank Group. 1960 – 2050. <http://data.worldbank.org/data-catalog/population-projection-tables>

ских систем (социалистической плановой с добавлением рыночных элементов и не-либеральной версии капиталистической системы в её постиндустриальной фазе развития).

В этих условиях элиты США желают удержать на длительную перспективу глобальное лидерство, сохранив превосходство в наиболее значимых и прибыльных наукоёмких высокотехнологичных секторах экономики и обеспечив энергетическую независимость при сохранении низких цен на нефть и газ. Движимая этой логикой политика Соединённых Штатов пока привела к дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, выходу на мировую арену радикального панисламизма.

Китай стремится перейти к другой модели экономического развития, сохраняя умеренно высокие темпы роста, стимулируя внутреннее потребление, обеспечивая экономическую экспансию на евразийское пространство за счёт лучшей транспортной доступности и инфраструктуры, и достижения неуязвимости в вопросе морских перевозок энергоносителей.

В складывающемся политико-экономическом ландшафте Россия сталкивается как с новыми угрозами и вызовами, так и с потенциальными возможностями. При этом следует признать ухудшение политико-экономических позиций страны, обусловленное сочетанием внешних и внутренних причин. Кроме того, объективными являются процессы, связанные с технологическими инновациями и существенными переменами на энергетических рынках, а также неэффективность либеральной экономической политики на фоне тех вызовов, с которыми столкнулась страна в условиях жёсткого противостояния с Западом, санкций, а также обостряющихся хозяйственных и демографических проблем.

2

Большинство исследователей выделяют два-три пространственно-локализуемого макроблока политико-экономической карты мира. При этом границы между ними

проводятся различно. В одних случаях акцент делается на странах триады – США, ЕС и Японию. В других стратификация проводится по оси Север – Юг. В третьих – выделяется североатлантический Запад, промышленный Новый Восток и сырьевой Юг. Наконец, имеет место и противопоставление объединённого Запада Азии во главе с Китаем. Автор настоящей статьи связывает макроуровень современной политико-экономической карты с набором пространственно-обособленных одиночных центров силы, находящихся между собой в сложной взаимосвязи. К ним относятся США, ЕС, Япония, Китай, Индия и Россия.

После Второй мировой войны Соединённые Штаты стали лидирующей державой в мировой экономике, закрепив своё доминирование путём создания системы Бреттон-Вудских институтов и осуществления контроля над стратегическими рынками, ресурсами и транспортными коридорами. Важнейшей особенностью США является то, что, опираясь на военную мощь и умело используя «мягкую силу», они занимают центральное место в мировой производственной и валютно-финансовой системе, что позволяет получать эмиссионный доход, обеспечивать перераспределение мировых благ и финансирование внешнего долга [Буторина 2015: 64].

Соединённые Штаты во второй половине 2010-х годов по-прежнему сохраняют позицию ведущего глобального полюса мирового хозяйства, мощь которого мало изменилась, даже несмотря на глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов. Политико-экономическое лидерство США зиждется на доминировании в сфере идей и технологий, высокой производительности труда, превосходства американских компаний в маркетинге и менеджменте, наличия известных брендов, инновационного характера их постиндустриальной экономики, дешёвого газа и электроэнергии, а также наличия развитой инфраструктуры, огромного рынка капитала, развитой системы высшего образования и здравоохранения.

Лидерство США во многом связано с их доминированием в мировой валютно-финансовой системе. На долю Соединённых Штатов приходится от 40 до 55% мирового рынка акций, облигаций и деривативов. Доллар – главная мировая резервная валюта. Более 63,6% резервов центральных банков мира хранились в долларах на начало 2016 г. при том, что доля евро за последние 10 лет сократилась с 28 до 20,4% (и теперь незначительно превышает ту долю мировых резервов, которая в 1990 г. приходилась на немецкую марку)².

Одновременно, будучи центром западного сообщества, США обеспечивают 23% мирового ВВП и 12% товарооборота. При этом в долларовой зоне создаётся около 60% объёма мирового промышленного производства и проживает примерно 60% населения планеты³. Правда, доля американских фирм в накопленном объёме прямых иностранных инвестиций упала с 39% в 1999 г. до 24% в 2016-м. Тем не менее американские фонды управляют 55% мировых финансовых активов по сравнению с 44% ещё десять лет назад. Соединённые Штаты активно применяют экономические и финансовые инструменты при проведении своей внешней политики. Количественные смягчения, реализованные Федеральной резервной системой (ФРС), управление процентной ставкой и увеличение государственного долга США оказали существенное влияние на экономические позиции других государств мира. Важными инструментами Соединённых Штатов выступают активно реализуемое экстерриториальное применение американских законов и политика экономических санкций. Избыток дешёвой энергии в сочетании с высококвалифицированной рабочей силой, развитыми рыночными институтами, эффективной правовой системой, лидерством по инновациям, мощными компаниями, действующими в наиболее

перспективных секторах глобальной экономики, наличие первоклассных университетов и интеллектуальное лидерство, умело создаваемое и поддерживаемое финансово-политической элитой, позволяют США формулировать и реализовывать эффективную глобальную стратегию.

Политико-экономический курс, реализовавшийся администрацией Б. Обамы, предполагал создание под американским лидерством крупнейших метарегиональных группировок – Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) [Хейфец 2016 :134]. На фоне провальной Дохийского раунда переговоров под эгидой ВТО эти проекты были ориентированы не только на унификацию стандартов, снижение тарифных и нетарифных ограничений и стимулирование трансграничного движения капитала, но и на регулирование вопросов интеллектуальной собственности и торговли услугами в интересах крупнейших международных компаний, прежде всего американских ТНК высокотехнологичных секторов.

Со стратегической точки зрения эти проекты были нацелены на долгосрочное сдерживание экономической экспансии Китая и предотвращение тесного сотрудничества ЕС и Российской Федерации. Позиция республиканской администрации США, пришедшей к власти в 2010-х годах, по поводу метарегиональных группировок, вероятно, ещё будет уточняться. Между тем во исполнение своих предвыборных обещаний президент Д. Трамп уже подписал указ, приостанавливающий реализацию ТТП. Одновременно чертами его стратегии стали пересмотр системы трансатлантических альянсов, политика реиндустриализации, давление на Китай, жёсткие экономические санкции против России и другие шаги, направленные на укрепление глобальных позиций США.

² U.S. International Transactions: Fourth Quarter and Year 2016. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/transactions/transnewsrelease.htm>

³ World Bank's January 2017 Global Economic Prospects report. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects#data>; <http://data.worldbank.org/country/united-states>

В 2016 г. Соединённые Штаты стали крупнейшим мировым производителем углеводородного сырья. Применение прорывных технологий добычи сланцевых месторождений позволило им добиться избытка газа, уменьшить зависимость от импорта нефти, резко снизить себестоимость добычи. Это радикально изменило ситуацию на мировых энергетических рынках. Появляющийся избыток энергоресурсов создаёт предпосылки для выхода США на рынок сжиженного природного газа (СПГ) и попыток выдавливания России с европейского газового рынка.

З

На протяжении 1990–2010-х годов позиции ЕС на международной арене определялись растущей экономической и политической мощью Германии в контексте неравномерности развития экономик других стран интеграционного объединения. Гигантские количественные смягчения, реализованные за последние годы Европейским центральным банком (ЕЦБ), не обеспечили рост региональной экономики, сохраняются в подвешенном и отложенном варианте проблемы суверенного долга Греции и ряда других стран Южной Европы. Будущее европейской интеграции омрачено вероятным выходом Великобритании из ЕС, наплывом мигрантов и вызванным им политическим кризисом. Сложными остаются отношения между ЕС и США в силу неясной судьбой ТТИП и протекционистского курса президента Д. Трампа.

Государства—члены ЕС (и прежде всего Германия) за последнюю четверть века предприняли много усилий для укрепления своего политико-экономического влияния на постсоветском пространстве, в первую очередь на Украине, в Грузии, Молдавии, Азербайджане, реализуя инициативу Восточного партнёрства. В наибольшей мере амбиции ЕС проявились в связи с заключением соглашения об ассоциации с Киевом. Фактическое начало функционирования зоны свободной торговли между ЕС и Украиной в начале 2016 г. ознаменовало воплощение геополитиче-

ских чаяний Запада об отрыве этой страны от России и фактическом торпедировании евразийской интеграции. Соглашение об ассоциации ЕС и Украины открывает для европейских компаний значительный рынок и обеспечивает интеграционный блок притоком дешёвой рабочей силы христианского вероисповедания. Стратегия ЕС реализуется в настоящее время на фоне значительного осложнения отношений с Турцией и резко ухудшившихся отношений с Россией.

Место Японии в современной глобальной экономике и политике определяется уменьшением вклада страны в основные мировые экономические показатели на фоне продолжающейся более двадцати лет стагнации, которую так и не удалось победить с помощью абэномики. Страна сталкивается с усугублением демографических проблем, деградацией глобальных позиций японских компаний, обострением противоречий с Китаем как по территориальным, так и по экономическим вопросам, сохранением зонтика безопасности США и территориального спора с Россией по поводу Курильских островов.

Зато глобализация способствовала значительному усилению влияния в мире Индии и особенно Китая. Деятельность последнего на международной арене в последние 3–4 года отмечена началом реализации амбициозной геэкономической инициативы «Пояс и путь». Её воплощение в жизнь радикально преобразит карту Евразии, разовьёт систему сухопутных коммуникаций на континенте, придаст импульс развитию и торговле огромным пространствам в Азии, обезопасит маршруты транспортировки нефти в КНР и увеличит политико-экономическое влияние Пекина не только в его непосредственном окружении, но и в Европе.

В 2014 г. Китай обогнал США по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС). Показатели ВВП КНР и Соединённых Штатов составили соответственно 18,0 и 17,4 трлн долларов. При этом на долю США приходилось в 2014 г. около 22,2% номинального мирового ВВП,

а на долю Китая уже 13,4%⁴. Внешняя торговля, и прежде всего экспорт, в настоящее время более важен для Пекина, чем для Вашингтона [Hsiung 2009: 114]. По данным Всемирного банка, соотношение внешней торговли к ВВП КНР составлял 41% в 2015 г. по сравнению с 9% в 1960-м (для США этот показатель равен 28%)⁵. Китай, превратившись за последние 25 лет в фабрику мира, стал крупнейшим торговым партнёром для 130 стран. Если в 1990 г. на его долю приходилось 3% мирового промышленного производства, то в 2015 г. уже 25%. С учётом продления китайскими компаниями цепочек добавленной стоимости в другие страны Юго-Восточной Азии на их долю сегодня приходится более половины мирового промышленного производства.

Китай совершил за 15 лет фантастический рывок в динамике экспорта и импорта, увеличив объём поставок с 204,4 млрд долларов в 1999 г. до 2,543 трлн в 2015-м. Он также нарастил импорт со 168,1 млрд долларов до 2,046 трлн за тот же период⁶. КНР является крупнейшим в мире держателем американских казначейских облигаций на сумму 1,115 трлн долларов, что составляет 29% от общей суммы внешнего долга США⁷. Превратившись в ведущего производителя и экспортёра промышленных товаров, в том числе высокотехнологичных, крупнейшего импортёра сырьевых и продовольственных ресурсов и важный источник инвестиций и кредитов для десятков стран, Пекин в 2013–2016 гг. столкнулся с проблемами в развитии. В странственном плане стремительная трансформация прибрежных районов Китая за последние десятилетия входит в противоречие с более медленным развитием центральных районов.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Пекин значительно нарастил объём прямых иностранных инвестиций, превратившись в третий крупнейший источник иностранного финансирования после США и Японии. Китай активно предоставляет кредиты странам–поставщикам и транзитёрам сырья, в частности осуществляя капиталовложения в инфраструктурные проекты, такие как автомобильные и железные дороги, трубопроводы и порты, а также разработку месторождений полезных ископаемых, как правило увязывая такого рода деятельность со своими политико-экономическими интересами. Пример тому дают отношения Пекина с его ближайшими соседями (Монголия, Мьянма, Казахстан, Россия, Киргизия, Туркменистан), государствами Южной Азии (Шри-Ланка, Пакистан), стратегически привлекательными странами Африки (Кения, Судан) и Латинской Америки (например, Панама, Эквадор, Венесуэла).

КНР планирует в течение 10 лет направить на внешние инвестиции и поддержку своих компаний за рубежом сумму около 1,25 трлн долларов. Для реализации новых проектов Китай активно развивает многосторонние институты, обеспечивающие финансирование инфраструктурного строительства (в частности, Новый банк развития (НБР), созданный странами БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), другие региональные и межрегиональные инструменты с начальной капитализацией от 50 до 100 млрд долларов). В АБИИ, создание которого было инициировано Пекином в 2015 г. для финансирования в первую очередь проектов инициативы «Пояс и путь», на долю КНР приходится 30% акционерного капитала и

⁴ ВВП стран. Статистика Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=CN-US&view=chart>

⁵ Статистика Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?locations=CN-US&view=chart>

⁶ Ibid.

⁷ "Major Foreign Holders of Treasury Securities. U.S. Department of the Treasury/Federal Reserve Board. 15.03.2017. URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>

26% голосующих акций, что делает его ведущим акционером [Хейфец 2016 :44].

Начиная с 2009 г. Китай проводит политику интернационализации юаня, стремясь к увеличению его доли в инвестициях и международной торговле. Набирает динамику обсуждение проекта Регионального всестороннего экономического партнёрства с участием 16 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе и КНР. Это объединение призвано способствовать интеграции вовлечённых экономик, суля существенные перемены в значительном сегменте мирового хозяйства.

Индия, подобно Китаю, обладает большим потенциалом для развития и трансформации, неумолимо превращаясь в важнейший центр силы в мире. К её преимуществам относят наличие огромного населения с хорошим знанием английского языка, большое число подготовленных кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также то, что многие выходцы из этой страны заняли ключевые позиции профессоров ведущих университетов мира и в последние годы всё активнее привлекаются в топ-менеджмент ведущих глобальных высокотехнологических компаний.

За последние 15 лет Индия продемонстрировала бурный экономический рост, сумев преодолеть серьёзные инфраструктурные ограничения и обеспечив бурное развитие сектора ИКТ, в котором наряду с крупнейшими зарубежными ТНК первую скрипку играют местные компании. Индия больше, чем остальные государства, выиграла от широкомасштабного применения транснациональным бизнесом глобального аутсорсинга. Будучи второй по численности населения страной мира, Индия становится желанным рынком сбыта всех ТНК. При этом она имеет крайне закрытый различными нетарифными ограничениями и обычаями рынок и, возможно, является самой сложной страной в мире в вопросах коммерции. Сохраняя в целом не самую передовую структуру во внешней торговле, Индия – абсолютный лидер экс-

порта программных продуктов, объём поставок которых в 2016 г. превысил 108 млрд долларов⁸.

Ограничителями её политэкономического влияния остаются слабое развитие инфраструктуры, этнолингвистическая и конфессиональная фрагментированность, в том числе открытое противостояние между индусами и мусульманами, демографическая политика и сложные отношения с Пакистаном. На международной арене Индия сохраняет особые связи с Великобританией, но за последнюю четверть века партнёрские отношения у неё сложились и с США. Соединённые Штаты рассматривают Индию как потенциальную индотихоокеанскую державу, представляющую противовес мощи Китая. В рамках этой стратегии они поддерживают реализацию проектов по новой энергетической и транспортной инфраструктуре в рамках концепции Индотихоокеанского экономического коридора. В свою очередь, Дели весьма обеспокоены развитием китайско-пакистанского экономического коридора, проходящего по территории Кашмира, который до сих пор остаётся предметом споров между Индией и Пакистаном. Сближение США с Индией является частью стратегии Вашингтона по сдерживанию КНР и использованию конкурентных преимуществ, связанных с перенесением значительного объёма операций американских информационных ТНК по аутсорсингу в южноазиатскую страну.

Современная Россия характеризуется сложившейся за последние 25 лет ярко выраженной сырьевой направленностью экономики с исключительной зависимостью от нефтегазового сектора при сохранении конкурентоспособного высокотехнологического военно-промышленного комплекса, значительным разрывом в развитии отдельных регионов и большими демографическими проблемами, а также существованием последние три года в рамках санкций западных стран во главе с США [Кочетов, Байдаков, Кониная, Сельцовский, Столя-

⁸ <https://www.statista.com/statistics/320753/indian-it-software-and-services-exports/>

рова, Фролова, Сапир 2010: 157]. Её основные структурные слабости проистекают из отсутствия необходимых капиталов и технологий, гигантской территории с неравномерно распределёнными коммуникационными сетями, устаревшей инфраструктуры, низкого влияния на глобальное экономическое, финансовое и информационное пространство.

Парадокс положения Москвы связан с сохранением значительной военной мощи и политического влияния на фоне ослабленного монозависимостью национального хозяйства, отсутствия надёжных союзников, неготовности элит к вызовам времени и смене вектора экономического развития, несовпадения динамики преобразований в стране с мировыми инновационными и научно-техническими трендами, противоречий с другими ведущими центрами силы. Надежды на интеграцию с Западом и его помощь, идеи строительства «Общего европейского дома» оказались нереалистичными. Украинский конфликт и реакция на него США и ЕС показали, что между восприятием мира западной элитой и тем, как видит мир подавляющая часть населения России, зияет огромная пропасть.

Отнесение России к основным мировым центрам связано с сохранением большого потенциала военно-промышленного комплекса и способностью проецировать значительную внешнюю силу, активной внешнеполитической деятельностью как на постсоветском пространстве, так и в глобальном масштабе, сохраняющимся природно-ресурсным и территориальным потенциалом, большими возможностями в энергетической сфере и производстве продовольствия, остатками значительного научно-технического потенциала СССР по ряду перспективных направлений, в частности в ядерной области и освоении космоса. Сложившаяся ситуация требует от Москвы принятия срочных мер. Стране необходимо найти баланс между европейским и азиатским направлениями её политики, с превращением России в реальную евразийскую державу. Для этого требуются

всемерная активизация работы по дальнейшему укреплению Евразийского экономического союза, активное подключение к развитию северного коридора инициативы «Пояс и путь», координация внешнеэкономической деятельности государственных компаний «Газпром», «Роснефть», «Ростех» прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конкретные планы по созданию экспортно-ориентированных производств в передовых отраслях.

Важнейшим вопросом национального развития выступает расширение промышленного экспорта, привлечение азиатских инвестиций в освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока, создание за Уралом кластеров мирового значения по глубокой переработке углеводородного сырья, формирование в первую очередь в восточных регионах страны свободных экономических зон и производственных кластеров не углеводородного профиля. России необходимо политико-экономическое партнёрство с Китаем наряду с активизацией сотрудничества с Южной Кореей, Японией и Вьетнамом. Её интересы требуют нового подхода к подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере геоэкономики, повышения компетентности и информированности федеральных и региональных органов власти о проблемах внешнеэкономической политики.

* * *

За последние 25 лет политико-экономическая карта мира существенно изменилась, поменялось соотношение сил между разными полюсами, возникли новые активные типы субъектов. Появились основания говорить о формировании под воздействием глобализации и ускоряющейся научно-технической революции нового политико-экономического ландшафта. К странам, образующим ядро международной системы, автор относит США, ЕС, Японию, Китай, Индию и Россию. Нельзя не отметить рост влияния и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На современном этапе важнейшие иници-

ативы ведущих стран так или иначе подразумевают создание метарегиональных партнёрств. Сравнительный анализ фактических показателей и динамики развития позволяет сделать вывод, что политико-экономический ландшафт определяется взаимодействием и противоборством США и Китая, уменьшением влияния ЕС, Японии и России, ростом влияния Индии.

Проведённый анализ не коснулся ряда важнейших черт современной международной системы, в частности изменений государственного регулирования экономики в условиях новой нормальности, состояния и эволюции глобальной валютно-финансовой сферы, роста влияния технологической революции, геоэкономических войн, эволюции методов и тактики политико-экономического доминирования. Перспективными направлениями будущих

исследований может стать изучение влияния новейших технологий, в частности роботизации и разработок в сфере искусственного интеллекта, геоэкономическим последствиям перемен на энергетических рынках, санкций, транснациональных торгово-инвестиционных метагруппировок, эволюции ТНК, и в частности ТНК БРИКС, изменений в валютно-финансовой сфере.

Новые политико-экономические реалии и формирующиеся тренды заставляют обратить особое внимание на положение России в мире, её стратегию и тактику, по-новому взглянуть на риски и угрозы текущей модели включения страны в глобализацию и международное разделение труда, состояние конкурентоспособности отечественной экономики и направления развития крупнейших российских компаний.

Список литературы

- Байков А.А., Ермолаев А.О. Новые лики интеграции // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 40. С. 111–117.
- Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 44–57.
- Богатуров А.Д., Фененко А.В. Посткризисные тренды в мировой политике // Свободная мысль. 2011. № 2 (1621). С. 119–134.
- Булатов А.С. Система глобальной экономики: алгоритмы и векторы эволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 119–127.
- Бутурин О.В. Как США обеспечили победу доллару в Бреттон-Вудсе // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 58–72.
- Конина Н.Ю. Глобальная производственная система как источник конкурентных преимуществ ТНК // Экономические науки. 2009. № 4 (53). С. 356–362.
- Кочетов Э.Г., Байдаков М.Ю., Конина Н.Ю., Сельцовский В.Л., Столярова Н.С., Фролова Е.Д., Сапир Е.В. Геоэкономика и конкурентоспособность России. Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России. М., 2010. 42 с.
- Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнёрства и глобальная экономика // Международная жизнь. 2016. № 3. С. 127–146.
- Baldwin R., Martin P. Two waves of globalization: superficial similarities, fundamental differences. NBER Working Paper no. 6904. Cambridge MA, National Bureau of Economic Research, 1999.
- Hsiung, J. The Age of Geoeconomics, China's Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration // Journal of Chinese Political Science. Jun 2009, Vol. 14. No. 2. P. 113–133.
- Spark M. Introducing Globalization: Ties, Tensions and Uneven Integration. London, New York: Wiley-Blackwell, 2013. 508 p.

ISSUES OF MODERN GEOECONOMICS

NATALIA KONINA

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The rapidly changing political and economic landscape represents a combination of challenges and opportunities for new correlation of forces between the centers of influence, the emergence and growing activity of new players, the growing role of external factors. For about 20 years after the end of the Cold War, the global politics and economy were dominated by the United States, which had technological, economic, financial, military and political superiority. Being the first state to build post-industrial economy, the USA managed to create an efficient innovation system that provided leading American companies with dominance in the global markets for medium- and high-tech goods and services. The economic leadership of the United States is largely due to their dominance in the global monetary and financial system. In a new political and economic map one can see the loss of influence by Japan and the European Union, while new balance of economic forces emerges under the influence of the interaction and confrontation between the USA and China, as well as the growth of the Indian economy. The global map is undergoing serious changes under the pressure of proposed transregional metagroups and active integration processes as well growth of China's geo-economic activity. The increasing role of Asia-Pacific region in the global economy will especially become apparent as a result of the implementation of China's geo-economic 'Belt and Road' initiative. In globalized sectors there are transnational networks dominated by the largest TNCs. The political and economic interests of Russia require changes of the current economic policy and new geo-economic strategy both at the state and the largest companies level.

Keywords:

International Political Economy; globalization; USA; China; India; Russia; BRICS; Belt and Road Initiative; metaregional partnerships; transnational corporations; geo-economic strategy.

References

- Baldwin R., Martin P. (1999). *Two waves of globalization: superficial similarities, fundamental differences*. NBER Working Paper no. 6904. Cambridge MA, National Bureau of Economic Research. 32 p.
- Baykov A., Yermolayev A. (2015). Novyye liki integratsii [New integration faces] // *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 13. No. 40. P. 111–117.
- Bogaturov A.D. (2017). Mezhdru siloy i vliyaniem gosudarstv [Between the power and influence of states] // *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 1. P. 44–57.
- Bogaturov A., Fenenko A. (2011). Postkrisisnyye trendy v mirovoy politike [Post-crisis trends in world politics] // *Svobodnaya mysl'*. No. 2. P. 119–134.
- Bulatov A. (2010). Sistema global'noy ekonomiki: algoritmy i vektory evolyutsii [System of global economy: algorithms and vectors of evolution] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 2. P. 119–127.
- Butorina O. (2015). Kak SSHA obespechili pobedu dollaru v Bretton-Vudse [How the US secured the dollar in Bretton Woods] // *Voprosy ekonomiki*. No. 8. P. 58–72.
- Kochetov E., Baydakov M., Konina N., Seltsovskiy V., Stolyarova N., Frolova E., Sapir. E. (2010). *Geoekonomika i konkurentosposobnost Rossii. Nauchno-kontseptual'nyye osnovy geoekonomicheskoy politiki Rossii* [Geeconomics and Russia's competitiveness. Scientific and conceptual foundations of Russia's geo-economic policy: report]. Moscow. 42 p.
- Hsiung J. (2009). The Age of Geoeconomics, China's Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration // *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 14 No. 2. P. 113–133.
- Kheyfets B. (2016). Novyye ekonomicheskkiye megapartnerstva i global'naya ekonomika [New economic mega-partnerships and the global economy] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 127–146.
- Konina N. (2009). Global'naya proizvodstvennaya sistema kak istochnik konkurentnykh preimushchestv TNK [Global production system as a source of competitive advantages of TNCs] // *Ekonomicheskkiye nauki*. No. 4 (53). P. 356–362.
- Spark M. (2013). *Introducing Globalization: Ties, Tensions and Uneven Integration*. London, New York: Wiley- Blackwell, 2013. 508 p.